

Оригинальная статья

УДК 316.776

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-9

¹Богданов В. С.

²Почестнев А. А.

Методология установления управленческих барьеров
в реализации политики смягчения неравенств регионов

- ¹) Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
улица Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия
valarf@mail.ru
- ²) Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
Волоколамское шоссе, дом 4, Москва, 125993, Россия;
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
улица Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия
apochestnev@yandex.ru

Аннотация. Актуальность изучения проблемы обусловлена несовершенством организации внутренней политики регионов по упреждению и минимизации избыточных типов социальных неравенств. Практика государственного управления сосредоточена в большей степени на предоставлении льгот и субсидий, направленных на нивелирование разрывов в уровне жизни населения территорий. Однако такой экономико-центричный подход не учитывает причинно-следственные связи и генезис появления разных типов социальных неравенств, а также он не решает задачу разработки механизмов их регуляции управленческого типа. В данной статье предлагается ознакомиться с методологическим подходом диагностики проблем функционирования отечественной системы управления территориально-поселенческими образованиями (регионами) в области реализации политики минимизации социальных неравенств. Эта методология была разработана в Центре социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН (рук. А. В.Тихонов). Данный подход основывается на понятиях рефлексии и рефлексивного управления. Он позволяет обнаружить ключевые проблемы регионального управления, снижающие возможность преодоления избыточных неравенств регионов. На основе данных социолого-управленческой экспертизы (2017, 2020 гг.) проведена типологизация управленческих проблем, разработаны типы барьеров, представляющие собой признаки деформации оперативных и стратегических управленческих решений.

Ключевые слова: социальное неравенство; региональное неравенство; уровень жизни; качество жизни; организационно-управленческие барьеры; социология управления и организаций; региональная система управления; социокультурная модернизация; рефлексивное управление; коммуникативные технологии

Информация для цитирования: Богданов В. С., Почестнев А. А. Методология установления управленческих барьеров в реализации политики смягчения неравенств регионов // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 102-116. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-9

¹Vladimir S. Bogdanov

²Aleksandr A. Pochestnev

**Methodology for identifying governance barriers
in the implementation of policies to mitigate regional
inequalities**

¹) Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
valarf@mail.ru

²) Moscow Aviation Institute, MAI
bld. 4, Volokolamsk Hgw., Moscow, 125993, Russia;
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
apochestnev@yandex.ru

Abstract. The urgency of studying the problem is due to the imperfection of the organization of the internal policy of the regions to prevent and minimize excessive types of social inequalities. Public administration is focused on building a system of benefits. Due to them, they are trying to reduce the gaps in the standard of living of the population. However, such an economic-centric approach does not take into account the causes of the appearance of different types of social inequalities, does not solve the problem of developing mechanisms for their regulation of a managerial type. In this article, it is proposed to get acquainted with the methodological approach of diagnosing the problems of functioning of the regional governance system for the implementation of the policy of minimizing social inequalities. This methodology was developed at the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the IS RAS (A. V. Tikhonov). This approach is based on the concepts of reflection and reflexively. This approach is based on the concepts of reflection and reflexive management. It makes it possible to detect key problems of regional governance that reduce the possibility of overcoming excessive regional inequalities. Based on the examination data (2017, 2020), the typologization of governance problems was carried out, types of barriers were created that represent signs of deformation of operational and strategic governance decisions.

Keywords: social inequality; regional inequality; standard of living; quality of life; organizational and governance barriers; sociology of management and organizations; regional governance system; socio-cultural modernization; reflexive management; communication technologies

Information for citation: Bogdanov, S. V., Pochestnev, A. A. (2022), "Methodology for identifying governance barriers in the implementation of policies to mitigate regional inequalities", *Research Result. Sociology and management*, 8 (4), 102-116. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-9

Введение (Introduction). Центр социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН занимается

изучением организационно-управленческих барьеров уже порядка 10 лет (см.,

напр., ИНАБ №1, 2012¹; ИНАБ №1, 2015²; Тихонов и др., 2017; Тихонов и др., 2019). Главная ценность этих исследовательских проектов заключается в том, что в научно-методологическом плане они позволяют осуществлять кумулятивную стратегию получения новых знаний о феноменах и закономерностях процессов управления в рамках социально-регулятивных теорий на уровне миро-системы, социетальных трансформаций, изменения состояний социальных институтов, организаций и поселенческих общностей. В частности, они строятся на исследовании возникновения социально-организационных барьеров в процессе разработки и реализации стратегических решений.

Сегодня ведется работа над изучением феномена социального неравенства регионов, которая является частью общего исследования Центра СУиСТ ИС ФНИСЦ РАН в ходе выполнения работ (НИР) по теме госзадания «Социальное моделирование региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений».

Дискуссия государственных деятелей и научного сообщества в отношении поиска решений проблем преодоления различных типов социальных неравенств становится актуальной с момента формирования социально-политического курса современной России в 90-х гг. XX века. Тогда впервые началась работа по созданию объективных социально-экономических и экологических индикаторов для установления критических признаков социальной дифференциации регионов (Гуцириев, 1997). За 15 лет реформ (с начала 1990-х годов) возникла масштабная

дифференциация, выраженная в социальном положении различных групп и слоев российского населения, а социальные неравенства приобрели очень резкие формы по всем показателям (социальные, экономические, политические, региональные и др.) (Горшков, 2010). В дополнении к этому исследовательская группа ученых (Голенкова и др., 2008) смогла зафиксировать тенденции роста неравенства системного характера (экономические, властные, политические, распределительные, социально-статусные и др.), а также неравенства индивидуальных свойств и возможностей личности. Сегодня различия регионов РФ превышают отметку в 25 раз по сравнению с 3-5 в развивающихся странах (Тощенко, 2020: 134).

Мы полагаем, что целевая и проектная составляющие стратегических решений, принятие нормативных документов³, направленных на повышение качества жизни населения и улучшение условий видения бизнеса, далеки и не сопоставимы с реальными запросами и потребностями населения, бизнес-структур. В свою очередь, это становится причиной продолжающейся социальной дезинтеграции в российском неозтратическом обществе, выраженной серьезным расслоением на сословную (доминирующую) и социально-профессиональные иерархии, что зафиксировал О.И. Шкаратан со своей исследовательской группой.

Как показывают наши исследования, несмотря на наделение регионов определенным суверенитетом, происходит искажение отношений между центром и регионами, приводящее к укреплению властно-управленческой вертикали и

¹ ИНАБ № 1 – 2012. Конкурентоспособность отечественных ИТ-компаний (по материалам интерактивного исследования) [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН, 2012. 53 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_01.

² ИНАБ № 1 – 2015. Кластерная политика в Российской Федерации: региональные и отраслевые аспекты (по материалам интерактивного исследования 2012-2014 гг.) [Электронный ресурс] / Отв. редактор А.В.Тихонов. Электрон. текст. дан.

(объем 1,5 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015. 104 с. 1. CD ROM.

³ Приказ Минтруда России № 748 от 29 ноября 2018 г. «О реализации в субъектах Российской Федерации пилотных проектов, направленных на достижение до 2024 года национальных целей социально-экономического развития по повышению реальных доходов граждан, снижению уровня бедности в два раза». URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1328>.

слабой чувствительности управленческих структур к социально-значимым проблемам (см., напр., Россия, 2017; Реформирование, 2021). Функционирование звеньев властно-управленческой вертикали закономерно воспроизводит комплекс управленческих барьеров, деформирующих содержание и результаты пространственного развития территорий (дисфункций). На этом фоне возникает запрос на разработку технологии выявления и устранения таких барьеров, разработку новых механизмов управления, форм регуляции процессов (см., напр., Лапин, 2016; Горшков и др., 2015). Подобные задачи становятся ещё более значимыми в контексте реализации внутренней политики, направленной на устранение избыточных неравенств (Горшков, 2014).

Методология и методы (Methodology and Methods). В данной статье мы делаем акцент на нашем опыте разработки и апробации методики, связанной с рефлексией управления на основе экспертного знания. Цель исследования заключается в установлении организационно-управленческих барьеров как деформаций внутренней политики государства, влияющей на степень (масштаб) и качество социальных неравенств регионов. В такой постановке вопроса мы ориентируемся на поиск направлений рационализации управления.

Главной задачей стало сравнение рефлексивного управленческого поля в разных регионах. Подобный подход позволяет обнаружить различия или сходства в управлении регионами, типичность управленческих барьеров.

Методологической основой для проведения исследования стали разработки:

– социологии управления, позволяющей взглянуть на организационно-управленческие барьеры через основания структурно-деятельностного подхода, как на институциональные особенности дисфункциональности управленческой

системы, выявленные на основе эмпирических оценок субъектов управления региона (экспертов) (см., напр., Тихонов, 2009; Россия, 2017; Реформирование, 2021);

– прогнозного социального проектирования, предоставляющего возможности обеспечения рационализации управления территориально-производственных и территориально-поселенческих групп за счет использования целеформирующих коммуникативных диагностических технологий (см., напр., Дридзе, 1994; Акимкин, 2015; Леньков, 2018; Щербина, 2018);

– социологического конструктивизма, в рамках которого приоритетными становятся идеи человека как активного социального субъекта (актора) в преобразовании макро-, мезо-, микро-социальной среды. Анализ вариативных сценариев достижения «будущего» базируется на оценке творческого потенциала, созидательных сил, которые имеются в каждом обществе и сообществе (Тощенко, 2016: 33).

В качестве индикаторов региональных неравенств мы взяли индекс социокультурной модернизации регионов ЦИСИ ИФ РАН, индекс ресурсной обеспеченности региона Центра СУиСТ ИС ФНИСЦ РАН, рейтинг качества жизни РИА. Для оценки функционирования региональных систем управления была разработана конфигурация параметров организационно-управленческих барьеров, уточненная и зафиксированная на основе экспертного знания.

Так как на глубину рефлексии влияет заинтересованность экспертов, их способность выделять противоречия, уровень образования и социально-профессиональные позиции, то в качестве респондентов мы отобрали тех, кто в регионах выполняет ту или иную функцию управления. Экспертный онлайн-опрос был проведен в 12-ти регионах РФ в 2017 (N=600) и 2020 (N=600) гг. Опыт управления стал главной характеристикой экспертных групп: 44% имеет опыт руководства организацией, 35% – органами

региональной власти. Среди отобранных экспертов: 74% имеют высшее образование, 26% – кандидаты и доктора наук; представители бюджетной сферы – 41%, аппарата государственного и муниципального управления – 10%, НКО – 15%, производственных организаций – 24%, предпринимателей и мелкого бизнеса – 9%; около 66% заняты общественной работой.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Современное изучение и измерение социального неравенства тяготеют к двум подходам. Первый базируется на оценке уровня жизни, а второй – на оценке ресурсной обеспеченности. Это связано с тем, что применение традиционных марксистских и веберианских моделей (отношение к средствам производства, интегральный профессиональный статус, доступ к властным ресурсам) имели ограничения для понимания жизненных шансов получения ресурсов, доходов, развития карьеры, потребления социальных услуг.

Многие социологи обозначают материальное положение детерминантным признаком определения социального статуса (см., напр., Гордон, 2000; Заславская, 2002; Голенкова, 2008), что приводит к идее использования критерия уровня жизни для описания неравенств. Этот одномерный параметр, определяющий неравенство, часто используется в реальной практике государственного управления, которое направлено на борьбу с бедностью. Последняя измеряется прожиточным минимумом, но измерение его происходит по-разному. Абсолютная оценка бедности строится на доступе к минимальному набору продуктов и предметов, необходимых для человека через минимальный доход (использует ООН, Всемирный банк). П. Таунсенд (Townsend, 1979) делает это по-другому. Он определяет бедность как состояние, при котором в связи с нехваткой экономических ресурсов ведение типичного образа жизни становится невозможным (бедность как депривация). Это имеет отношение к понятию качества

жизни (разные шансы в сфере потребления). Различные жизненные шансы определяют образ жизни и возможности наращивания своего человеческого капитала, изменения своей статусной позиции. Такой подход наиболее адекватен для государственного управления в российских реалиях.

Качество жизни воспринимается современными экономистами похожим образом, через понятие благосостояния – как удовлетворенность населения своей жизнью с точки зрения потребительских интересов.

Мы разделяем точку зрения ряда исследователей, состоящую в том, что уровень и качество жизни зависит от места жительства (Тихонова, 2007). Регионы дают разные жизненные шансы представителям одних и тех же социальных групп (разные доходы и возможности потребления), что связано с доминированием на территории конкретных отраслей, типов поселений и уровнем их конкурентоспособности. Следовательно, встает вопрос об измерении регионального обеспечения, возможностей поддержания определенного образа жизни, т.е. регионального неравенства (возможности найти интересную работу для самореализации, открыть свое дело, улучшить материальное положение, условия труда, жилищные условия, получение желаемого образования, отдыха, социальная обеспеченность и гарантии, охрана правопорядка, соблюдение прав личности, медицинского обслуживания, развитие транспортных, торговых, бытовых и ЖКХ услуг, природно-климатические условия, сохранение окружающей среды, демографические условия, ощущение безопасности, комфортности и стабильности).

Развитые регионы способны обеспечить гражданам более высокие жизненные стандарты и социальные гарантии – уровень качества жизни. Регулированием этого аспекта занимаются органы федерального и регионального управления. В современной государственной политике РФ понятие качества жизни является одним из централь-

ных¹. Оно становится приоритетной национальной целью развития регионов РФ, а именно с позиции обеспечения соответствия среды (качественное и количественное) запросам населения², снижения уровня межрегионального социально-экономического неравенства (сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения)³.

Для измерения данных региональных неравенств мы остановились на трёх индексах. Первый – индекс социокультурной модернизации (Атлас, 2016), построенный на антропосоциетальном методологическом подходе Н.И. Лапина, важность которого была обозначена выше. Он учитывает разные сферы жизнедеятельности людей (антропно-культурную, социо-экономическую, институционно-регулятивную) и позволяет оценить разные стороны обеспеченности регионов. Вторым стал индекс оценки качества возможностей, которые даёт регион. Индекс построен на основе оценки 32 аспектов жизни с точки зрения населения, учитывающий их уровень потребностей, представления о стандартах жизни. Третий индекс представлял собой рейтинг качества жизни агентства РИА. Последний построен на данных статистики (70 показателей), оценивает объективное состояние разных сфер и условий жизни. Эти индексы были выбраны потому, что они отражают все перечисленные аспекты понятия качества жизни (упоминали выше), но измеряют их по-разному.

Эффективность решения задачи нивелирования избыточного неравенства связана с выбором и построением более правильной системы управления, стратегии

развития. Провоцирование социальных неравенств приводит органы регионального управления к необходимости понимания собственных задач, рисков и возможностей своей деятельности в части реализации функций, т.е. понимания, что оно из себя представляет и каковы возможности его собственного развития (Щербина, 2018).

Обнаружение векторов развития управленческой региональной системы возможно несколькими способами. Одним из них является применение теоретических схем, разработанных в предметном поле социологии управления для диагностики управления (Социология управления, 2010; Щербина, 2018). Возможен также вариант применения распространенных проверенных региональных управленческих практик. Но есть и другой способ, связанный с применением специальных социальных техник осмысления собственного опыта и превращение его в научные знания: с позиции своих представлений, целей, ценностей, действий, последствий и отношений, путем собственного рефлексивного анализа и методов его обобщения управленцы продуцируют новое знание, обнаруживают новый вектор своего развития. Для реализации этого подхода необходимы специальные техники и партнеры, помогающие сделать данную рефлексию более качественной. Именно об этом подходе будет идти речь далее.

Данный подход к развитию систем управления, по нашему мнению, базируется на трех методологических основаниях. Первое представляет собой исследовательскую методологию рефлексии, которую развивали отечественные ученые (см., напр., Дудченко, 1989, Щедровицкий,

¹ Указ Президента РФ № 13 от 16 января 2017 г. «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420389221>.

² Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/edinyy_plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_cel

ley_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2024_goda_i_na_planovyy_period_do_2030_goda.html.

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/.

1995). Второе – методологию организации коммуникаций и формирование коллективного субъекта (Прогнозное, 1994; Красовский, 2003; Социология управления, 2010). Третье основание связано с системной методологией в практике организационного и управленческого консультирования (Красовский, 2000; Пригожин, 2003).

Рефлексия представляет собой сложный многофункциональный процесс, связанный с самоисследованием. Для эффективного осуществления этого процесса применяют, как правило, ряд специальных техник познания. Самоанализ производится на основе личного субъективного опыта и конструирует определенный тип знания (представления о деятельности или реальности), которое можно сравнивать с другими представлениями.

Рефлексия также позволяет бороться с предубеждениями и рутинными формами, идущими от требований социальных структур (социальный контекст) и заменять их на более эффективные практики (см., напр., Archer, 2012; Бурдье и др., 2017). Их эффективность связывается либо с тем, что новые образцы ближе к потребностям человека, либо с тем, что новые практики более адекватны реальной ситуации и позволяют человеку или социальной системе лучше адаптироваться в меняющихся условиях, достигать собственных целей. Э. Гидденс считал, что скоро общество станет более рефлексивным (Giddens, 2005).

Анализ социальной системы, действий партнеров оказывает влияние на изменение смысловой основы, которая продуцирует постоянное изменение поведения и конфигурацию новых социальных связей. В практике управления деловых организаций и территориальных общностей к рефлексии обращаются, когда применение старых практик управления создает проблемы и затруднения в функционировании системы или целедостижения. По нашему мнению, снятие напряжения с помощью рефлексии рассматривается как процесс развития системы управления. Для чего проводится рефлексивный анализ (очный или заочный,

индивидуальный или коллективный) или используются организационно-деятельностные игры как групповой вариант решения проблемы и командообразования.

Через применение ряда социальных коммуникативных техник и техник мыслительности осуществляется анализ деятельности, критических точек в управленческом поведении, происходит поиск «нового себя» и путей снятия существующих проблем, устранение препятствий или формирование новых смыслов. Это приводит к развитию деятельности (рефлексивное управление). Такой подход в управлении социальными системами получил название «патодиагностический» (Щербина, 2018).

В качестве примера можно привести иерархию и категории (группы) проблем, а также способы их решения в зависимости от социальной ситуации (Дридзе и др., 1994). Социальные технологи (социологи) организуют диалог для выработки альтернативных решений социально значимых локальных проблем и проблемных жизненных ситуаций самих жителей при помощи «мягкой» технологии прогнозного социального проектирования. Они работают с локальными проблемами и ситуацией как с совокупностью значимых для социальных субъектов условий и обстоятельств, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на структуру и содержание их жизнедеятельности, на весь характер их общения и взаимодействия с природным, культурным и социальным окружением (Дридзе и др., 1994). Этот диалог устанавливает реальные интересы и потребности населения, выявляет спектр социально-жизненных проблем, позволяет выстроить интегрированное решение.

В. И. Дудченко использует деловые игры для решения управленческих проблем (Дудченко, 1989), в рамках которых группа ключевых акторов выявляет противоречия в своих представлениях и позициях, коллективно ищет проблемы и находит способы их решения, которые считаются перспективными с точки зрения всех участников. Процесс коммуникации продуцирует

формирование коллективного субъекта. Это соотносится с деятельностно-структурной парадигмой А. В. Тихонова, в которой механизм управления рассматривается как баланс субъект-объектных и субъект-субъектных отношений.

Для развития социальных объектов А. И. Пригожин вырабатывает коллективное представление через индивидуальный анализ и изучение проблем системы (Пригожин, 2003). Этот подход ближе всего к решению нашей задачи. Выявление проблем, как причин недостижения целей («паталогий» по версии учёного) становится способом выявления дисфункциональных элементов в системе управления, а также формой отражения специфики функционирования управления в регионах. Их преодоление составляет суть развития управленческой системы.

Согласно обозначенной методологической логике, мы провели индивидуальную экспертизу региональных систем управления. Задачей была определена апробация проведения заочной рефлексии, т.е. не так, как в классическом варианте. Для этого мы составили последовательность рефлексивного анализа, сформировали пул специальных вопросов, которые поставили в строго определенном порядке (так же, как это делают при коллективном или очном обсуждении). Продвигаясь в ответах, эксперты запустили первичную рефлексию системы регионального управления, далее оценивались разные стороны регионального неравенства, и задавались последующие вопросы о проблемах управления. Затем шел блок рефлексии применения распространенных передовых практик. В итоге эксперты выходили на финальную рефлексию региональных систем управления, а также на выявление проблем, тормозящих реализацию политики нивелирования избыточных неравенств. Социолог за счет последовательности вопросов управлял фокусировкой эксперта и добивался расширения видения объекта оценки.

На финальной стадии рефлексии были выделены проблемы (на основе открытых вопросов экспертной анкеты 2017 и 2020 гг.), снижающие управленческие возможности

реализации региональных политик. Далее анализировалась частотность их обнаружения в экспертных группах. В итоге, происходила объективация проблем, нахождение единых представлений участников управленческой системы о существующих проблемах и уровнях их опасности. В конце анализа производилась типизация проблем в смысловые блоки – «барьеры».

Насыщенность типов барьеров свидетельствовала о патологии региональных систем управления. Было выделено 8 барьеров.

Социально-политические барьеры содержали следующие проблемы: отсутствие заинтересованности органов власти в развитии гражданского общества; отсутствие внятной стратегии развития региона; нереализованность мер по важным направлениям развития; отношение к населению как ресурсу; неориентированность на потребности людей, фокусировка на своих интересах и др.

В группу административных барьеров вошли следующие проблемы: силовые методы управления, вертикаль власти; отсутствие качественных документов, планов развития; бюрократизация; формализация; видимость решения проблем (имитация); непродуктивный персонал управления; проблема с ответственностью за реализацию решений и др.

Социально-коммуникативные барьеры состояли из следующих проблем: неработающие механизмы коммуникации между субъектами; недостаточная информированность населения; низкий уровень гражданской активности; самопиар властей, боязнь общаться с населением; ориентация преимущественно на цифровое общение; отсутствие единого целеполагания у различных стейкхолдеров; недоучёт коммуникации (социальной обратной связи) как процедуры контроля.

Барьеры поддержки инициатив – не слышат население; не налажена социальная обратная связь; невнимание власти к проблемам людей; нежелание прислушиваться к экспертам и бизнесу.

Инвестиционно-финансовые барьеры содержали классические проблемы: нехватка

бюджетных средств, субсидирование из федерального центра; отсутствие новых вливаний инвестиций; рост госдолга региона.

Социально-организационные барьеры связаны с – высоким уровнем миграции и кадровым дефицитом; отсутствием рабочих мест; отсутствием социальных лифтов; плохим социальным обслуживанием; хаотичным, прозападным менеджментом; отсутствием молодых инноваторов-управленцев.

Инфраструктурные барьеры, это проблемы – качество благоустройства террито-

рий; качество функционирования ЖКХ; состояние дорог; незаконное строительство; необеспеченность зон рекреации, школами, клубами.

Коррупция и финансовые нарушения проявлялись – во взятках, криминализации сфер, сращивании структур управления с криминалом.

Есть также отдельные проблемы в межэтнических отношениях в регионах.

Далее оценивалось распространённость указанных барьеров в коллективном представлении экспертов (Таблица).

Таблица

Организационно-управленческие барьеры реализации политики сокращения избыточных типов неравенств (данные экспертных опросов 2020 г., N=1200)

Table

Organizational and managerial barriers to the implementation of policies to reduce excessive types of inequalities (according to expert surveys in 2017 and 2020, N=1200)

Наименования регионов / Regions	Классификатор барьеров (2020 г., N=600), в% / Barrier groups (2020, N=600), in%									Индекс измерения неравенства регионов / Regional Inequality Index		
	Социально-политические / politico-social	Административные / administrative	Социально-коммуникативные / communicatory	Поддержка инициатив / support for initiative	Инвестиционно-финансовые / finance and investment	Социально-организационные / organisational	Инфраструктурные / infrastructural	Коррупция и финансовые нарушения / Corruption and financial improprieties	Межэтнические отношения / Inter-ethnic relations	Рейтинг индекса Н. И. Лапина, % / Rating of N. I. Lapin, %	Рейтинг неравенства центра социологии управления РАН (баллы) / Inequality Rating of the Center of Sociology of Management of the Russian Academy of Sciences (points)	Рейтинг качества жизни РИА, % / Rating of quality of life RIA, %
Московская область / The Moscow Region	78.4	73.1	27.5	28.8	47.1	38.5	7.8	56.9	2.0	77,3	3.14	74,5
Нижегородская область / The Nizhni Novgorod Region	54.0	48.0	20.0	22.4	48.0	38.0	24.0	50.0	4.0	70,3	3.04	55,5
Свердловская область / The	52.0	53.1	22.0	18.0	40.0	18.0	20.0	44.0	2.0	66,8	3.18	57,1

Sverdlovsk Region												
Республика Саха / The Republic of Sakha	55.1	52.1	25.0	20.8	59.2	28.6	54.2	33.3	4.3	63,8	3.39	38,0
Брянская область / The Bryansk Region	29.2	31.3	10.4	10.4	40.0	31.3	15.2	27.1	0.0	62,0	3.62	46,2
Белгородская область / The Belgorod Region	49.0	32.7	12.0	20.0	38.0	40.0	16.0	38.0	2.0	61,0	3.42	64,0
Республика Башкортостан / The Republic of Bashkortostan	44.0	58.0	13.7	19.6	54.0	31.4	14.0	45.1	2.0	60,7	3.4	50,4
Смоленская область / The Smolensk Region	46.9	54.2	2.1	6.3	65.3	56.3	20.8	29.2	0.0	60,1	3.19	47,4
Омская область / The Omsk Region	34.7	38.0	6.0	10.0	74.0	28.6	24.0	20.0	2.1	59,9	3.48	43,0
Амурская область / The Amur Region	46.0	44.0	12.0	26.0	38.0	40.0	42.0	40.0	10.0	59,8	3.12	38,8
Вологодская область / The Vologda Region	48.0	34.0	14.0	10.0	58.0	52.0	32.0	26.0	6.1	59,8	3.34	40,7
Республика Калмыкия / The Republic of Kalmykia	54.2	65.3	14.3	20.8	80.4	53.1	60.0	55.1	6.5	53,6	2.75	31,5
Количество проблем в блоках «барьеры» (данные за 2017 и 2020 гг.) / Number of problems in the barrier groups (data for 2017 and 2020)	17	20	20	20	6	13	11	7	3			
Взаимосвязь выраженности организационно-управленческих барьеров и уровня неравенства регионов / Correlation of the severity of barriers and the level of regional inequality												

R Спирмана с рейтингом Н. И. Лапина / Spirman's R with N. I. Lapin rating	0.41	0.14	0.54	0.34	-0.39	-0.53	-0.56	0.35	-0.48
P уровень / p-value	0.19	0.66	0.07	0.29	0.22	0.07	0.05	0.27	0.11
R Спирмана с рейтингом центра социологии управления РАН / Spirman's R with Inequality Rating of the Center for Governance Sociology of the RAS	-0,62	-0,59	-0,49	-0,57	-0,08	-0,41	-0,40	-0,71	-0,51
P уровень / p-value	0.03	0.05	0.11	0.05	0.80	0.19	0.19	0.01	0.09
R Спирмана с качеством жизни РИА / Spirman's R with Rating of quality of life RIA	0.13	0.10	0.15	0.10	-0.51	-0.17	-0,84	0.32	-0,65
P уровень / p-value	0.70	0.76	0.63	0.76	0.09	0.61	0.00	0.31	0.02

Для обнаружения влияния организации системы регионального управления на реализацию политики смягчения неравенств регионов был проведен корреляционный анализ зависимости яркости выраженности управленческих барьеров и неравенств регионов, оцененных по выбранным индексам. Оказалось, что разные барьеры связаны с разными индексами. Но большее количество барьеров связано с индексом Центра СУиСТ ИС ФНИСЦ РАН (на основе 32 показателям по социально-значимым проблемам). Это социально-политические ($R = -0,62, p < 0.05$), административные барьеры ($R = -0,59, p < 0.05$), барьеры поддержки инициатив ($R = -0,57, p < 0.05$), барьеры типа финансовых нарушений, корруп-

ции ($R = -0,71, p < 0.05$). Напомним, что индекс отображал субъективное представление экспертов о качестве жизни, базирующееся на их представлении о социальном стандарте. Согласно логики взаимосвязи, успешно справляются с задачами смягчения неравенств те администрации, которые ориентируются на потребности населения, опираются на возможность участия граждан в управлении – развитии гражданского общества, в котором сочетаются интересы населения и государства, а также администрации не имеющих коррупционных барьеров, заботящиеся не о себе, а не об интересах людей на территории их проживания.

Т. М. Дридзе много лет назад настаивала на том, что качество жизни населения

можно улучшить только за счет организации диалога для установления реальных интересов и потребностей населения, выработки вариативных решений социально значимых локальных проблем, соотносящихся с жизненными ситуациями самих жителей. (Прогнозное, 1994; Дридзе, Орлова, 1994).

Инфраструктурные барьеры тесно связаны с рейтингами Н. И. Лапина ($R=-0.56$, $p<0.05$) и качества жизни агентства РИА ($R=-0,84$, $p<0.05$). Это довольно логично, т.к. эти рейтинги содержат в себе много статистических показателей инфраструктурной развитости.

Межэтнические барьеры оказались тесно связаны с рейтингом качества жизни РИА ($R=-0,65$, $p<0.05$). Возможно, эти барьеры влияют на дифференциацию доходов, возможности занять определенные социальные статусы, развитие человеческого капитала и потребления, а, возможно – и с уровнем безопасности проживания.

Остальные обнаруженные связи оказались статистически менее значимыми, они в меньшей степени оказывают влияние на способность властей решать политические задачи по смягчению избыточной дифференциации регионов.

Заключение (Conclusions). Мы можем констатировать успешность проведения апробации методологии и процедуры заочной экспертной рефлексии региональных систем управления, позволяющих на локальном уровне устанавливать управленческие барьеры, а также организовывать при запросе органов власти и управления анализ их влияния на различные типы неравенств региона, разрабатывать механизмы совершенствования управления территориально-поселенческими объектами.

Нашёл подтверждение факт возможности выступления социологов в роли партнеров в работе органов власти, их способности разрабатывать и внедрять социальные технологии, организовывать совместную работу с экспертами, проводить глубокую рефлекссию.

Социолого-управленческие технологии позволяют организовать работу с экспертным знанием, оценением реальной ситуации. Эти технологии раскрывают восприятие управленческой системы экспертами, позволяют создать коллективное представление о качестве их функционирования.

Установленное представление становится единым пониманием рационального управления, на которое необходимо ориентироваться в ходе организации и функционирования территориальных структур управления.

Список литературы

Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Л. И. Беляева [и др.]; сост.-отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Акимкин Е. М. Социально-управленческий цикл // Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь. М., 2015. С. 320-321.

Бурдые П., Пассрон Ж-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. 267 с.

Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д., Черныш М. Ф., Семенова Л. А. Социальное неравенство и социально-структурные изменения // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 26-51.

Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России 90-х. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. М.: Эдиториал-УРСС, 2000. 304 с.

Горшков М. К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 20-31.

Горшков М. К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 24-47.

Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4-16.

Гуцериев М. С. Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые

взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения // Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения: Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ 5 декабря 1996 г. РИЦ ИСПИ РАН. М. 1997. С. 7-32.

Дридзе Т. М., Орлова Э. А. Ситуационный анализ социально-воспроизводственного процесса в прогнозном социальном проектировании // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. С. 52-62.

Дудченко В. С. Инновационные игры. Таллин: Валгус, 1989. 102 с.

Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.

Красовский Ю. Д. Организационное поведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 511 с.

Красовский Ю. Д. Сценарии организационного консультирования. М.: ОАО Типография «НОВОСТИ», 2000. 367 с.

Леньков Р. В. Социальное проектирование как предмет социолого-управленческого дискурса // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 101-112.

Пригожин А. И. Методы развития организаций. М., 2003. 864 с.

Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Т. М. Дридзе [и др.]; отв. ред. Т. М. Дридзе. М.: Наука, 1994. 304 с.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования: [монография] / А. В. Тихонов [и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов; А. А. Мерзляков. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с.

Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / А. В. Тихонов, В. А. Шилова, Е. М. Акимкин [и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон+, 2010. 607 с.

Тихонов А. В., Богданов В. С., Мерзляков А. А., Гусейнова К. Э. Проблемы разработки и реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ: социально-организационные барьеры. Часть 2 // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10, № 3. С. 340-368.

Тихонов А. В., Богданов В. С., Почестнев А. А. Экспертная оценка потенциальных точек роста народного хозяйства регионов РФ и условий их развития // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8, № 2. С. 286-296.

Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.

Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 352 с.

Щедровицкий Г. П. Рефлексия // Избранные труды. М., 1995. С. 484-495.

Щербина В. В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М.: Новый хронограф, 2018. 416 с.

Archer M. The reflexive imperative in late modernity. New York: Cambridge University, 2012.

Giddens A. Sociology. Blackwell Publishers Limited, Oxford, 2005.

Townsend P. Poverty in the United Kingdom: a survey of household resources and standards of living. Harmondsworth: Penguin Books, 1979.

References

Lapin, N. I. (2016), *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: socioekonomicheskie i sociokulturnye tendentsii i problemy* [Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems], Moscow, Russia. (In Russian).

Akimkin, E. M. (2015), "Social and management cycle", *Sociology of management. Theoretical and applied explanatory dictionary*, Moscow, Russia, 321-321. (In Russian).

Bourdieu, P., Passron, J-K. (2007), *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: elements of education system theory], Enlightenment, Moscow, Russia. (In Russian).

Golenkova, Z. T., Igithanyan, E. D., Chernysh, M. F., Semenova, L. A. (2008), "Social inequality and socio-structural changes", *Russia in global processes: search for prospects*, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 26-51. (In Russian).

Gordon, L. A., Klopov, E. V. (2000), *Poteri i obreteniya v Rossii 90-x. Istoriko-sociologicheskie ocherki ekonomicheskogo polozheniya narodnogo bolshinstva* [Losses and gains in Russia of the 90s. Historical and sociological essays on the economic situation of the popular majority], Editorial-URSS, Moscow, Russia. (In Russian).

Gorshkov, M. K. (2014), "Social inequalities as an object of sociological analysis", *Sociological research*, (7), 20-31. (In Russian).

Gorshkov, M. K. (2010), "Social inequalities as a challenge to modern Russia", *Bulletin of the Institute of Sociology*, (1), 24-47. (In Russian).

Gorshkov, M. K., Sedova, N. N. (2015), "'Self-sufficient' Russians and their life priorities", *Sociological research*, (12), 4-16. (In Russian).

Gutseriev, M. S. (1996), "Federal Center and Subjects of the Russian Federation: Financial Relations and Mechanisms of Social Support of the Population", *Federal Center and Subjects of the Russian Federation: Financial Relations and Mechanisms of Social Support of the Population: Materials of the Scientific Session of the Academy of Social Sciences of the Russian Federation*, December 1996, RIC ISPI RAS, Moscow, Russia, 7-32. (In Russian.)

Dridze, T. M., Orlova, E. A. (1994), "Situational analysis of the socio-reproducible process in predictive social design", *Predictive social design: theoretical, methodological and methodological problems*, Science, Moscow, Russia, 52-56. (In Russian).

Dudchenko, V. S. (1989), *Innovatsionnye igry*, [Reproduction: elements of education system theory], Valgus, Tallin, Estonia. (In Russian).

Zaslavskaya, T. I. (2002), *Sotsialnaya transformatsiya rossijskogo obshchestva: deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [Social transformation of Russian society: an activity and structural concept], Delo, Moscow, Russia. (In Russian).

Krasovsky, Yu. D. (2003), *Organizatsionnoe povedenie* [Modernization of the

social structure of Russian society], YUNITI-DANA, Moscow, Russia. (In Russian).

Krasovsky, Yu. D. (2000), *Stsenarii organizatsionnogo konsul'tirovaniya* [Scenarios of organizational consulting], JSC Printing house "NEWS", Moscow, Russia. (In Russian).

Lenkov, R. V. (2018), "Social design as a subject of sociological and managerial discourse", *Research result. Sociology and Management*, 4, (4), 101-112. (In Russian).

Prigozhin, A. I. (2003), *Metody razvitiya organizatsij* [Modernization of the social structure of Russian society], Moscow, Russia. (In Russian).

Dridze, T. M. (1994), *Prognoznoe sotsialnoe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy* [Predictive social design: theoretical, methodological and methodological problems], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2017), *Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sotsiokulturnoj modernizatsii regionov* [Russia: reforming the power and management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of the regions], FNISC RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2021), *Reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v usloviyakh realizatsii natsionalnykh projektov i aktivizatsii protsessov spontannogo gruppooobrazovaniya* [Reforming the power and management vertical in the context of the implementation of national projects and the activation of spontaneous grouping processes], FNISC RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2010), *Sotsiologiya upravleniya: strategii, protsedury i rezul'taty issledovaniy* [Sociology of management: strategies, procedures and research results], Canon+, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S., Merzlyakov, A. A., Huseynova, K. E. (2019), "Problems of developing and implementing strategic programs for scientific and technological development in the regions of the Russian Federation: social and organizational barriers. Part 2", *MIR (Modernization. Innovation. Development)*, 10, (3), 340-368. (In Russian).

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S., Pochestnev, A. A. (2019), "Expert assessment of potential growth points of the national economy of the regions of the Russian Federation and their development conditions", *MIR (Modernization.*

Innovation. Development), 8, (2), 286-296. (In Russian).

Tikhonova, N. E. (2007), *Sotsialnaya stratifikatsiya v sovremennoj Rossii: opyt empiricheskogo analiza* [Social stratification in modern Russia: experience in empirical analysis], IS RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Toschenko, Zh. T. (2020), *Obshhestvo travmy: mezhdu evolyutsiej i revolyutsiej (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of Trauma: between evolution and revolution (experience in theoretical and empirical analysis)], All the World, Moscow, Russia. (In Russian).

Shchedrovitsky, G. P. (1995), "Reflexia", *Selected works*, Moscow, Russia, 484-495. (In Russian).

Shherbina, V. V. (2018), *Ratsionaliziruyushhie diagnosticheskie upravlencheskie sotsialnye tekhnologii* [Rationalizing diagnostic management social technologies], New Chronograph, Moscow, Russia. (In Russian).

Archer, M. (2012), *The reflexive imperative in late modernity*, Cambridge University, New York.

Giddens, A. (2005), *Sociology*, Blackwell Publishers Limited, Oxford.

Townsend, P. (2018), *Poverty in the United Kingdom: a survey of household resources and standards of living*, Harmondsworth, Penguin Books.

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2022 г. Поступила после доработки 30 ноября 2022 г. Принята к печати 12 декабря 2022 г.

Received 20 November 2022. Revised 30 November 2022. Accepted 12 December 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации
Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Vladimir S. Bogdanov, Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Почестнев Александр Анатольевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)».

Aleksandr A. Pochestnev, Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Moscow Aviation Institute, MAI.